Мой свёкр Арон Виньковеций

Диана Федоровна Виньковецкая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мой свёкр Арон Виньковеций — Главный конструктор ленинградского завода "Марти", автор двух книг о строительстве кораблей и пятитомника еврейских песен, изданных в Иерусалимском Университете. Знаток Библейского иврита, которому в Советском Союзе обучал "самолётчиков"; и "За сохранение иврита в трудных условиях" получил израильскую премию.

- Диана Виньковецкая

Диана Виньковецкая
Мой свёкр Арон Виньковецкий

Одним днем в бостонском Юлиан хаузе, где жила моя мама, её приятельница Циля, услышав от неё мою фамилию, спросила:

— А имеет ли ваша дочь какое-нибудь отношение к Арону Виньковецкому?

— Это её свёкр, мой сват.

— Мы в нашем еврейском хоре поём песни по его «Антологии». Он автор сборника еврейских песен.

— Я знаю, что он был конструктор кораблей, но не слышала, что он составил сборник песен, — удивилась моя мать.

Да, Арон Яковлевич Виньковецкий был автором объемистого четырёхтомника «Антологии еврейской народной песни», собирателем еврейского песенного фольклора и конструктором кораблей.

Перед нашей свадьбой мы с моим будущим мужем Яковом, прогуливаясь по Ленинграду, говорили о наших родителях. «Мой отец — сказал Яков — в высшей степени образованный еврей, знающий и иврит и идиш. (Слова «иврит» и «идиш» тогда, да и сейчас, были для меня какими-то ускользающими, смутными, хотя и значительными). Он по профессии инженер — конструктор, почти всю жизнь, пока не вышел на пенсию, проработал в конструкторском бюро Ленинградского судостроительного завода «Марти». Завод делал корабли и подводные лодки. Сначала он учился в Одессе в Политехническом институте, но там не было судостроительного отделения, а отец мечтал конструировать силуэты кораблей, мачты… краны… хотел всегда быть «связанным с морем», и он перевёлся в Политехнический институт в Ленинград. В годы войны отца освободили от армии, как ведущего конструктора, и вместе со всем заводом мы были эвакуированы на Урал. Он автор книг–справочников об устройстве кораблей.

Позже за эти корабельные «секреты» Арона Яковлевича с женой Раей несколько лет не будут выпускать из Союза, и они попадут в списки «отказников», и даже мы с Яковом будем окутаны секретностью Арона, и наш отъезд будет задержан на год. «Ваш отъезд нецелесообразен. Ваш свёкр на секретной работе», — так скажет мне господин–полковник Боков, кажется Виктор Иванович, — начальник Ленинградского ОВИРа, когда я приду на улицу Желябова по вызову в их контору летом 1974 года. Так получилось, что в городе не было ни Арона с Раей, они

были в Одессе, ни Якова, он был в экспедиции, и мне одной, как «жертве сионисткой пропаганды» пришлось выслушать отказ («жертвой» меня охарактеризовали в Ленинградском университете, где я работала, и мне сотрудники сочувствовали.) Я тогда возразила Бокову: «Но, мой свёкр уже несколько лет на пенсии, — и ещё добавила: А как насчет двоюродной бабушки?» — Боков криво ухмыльнулся, но как-то беззлобно повторил: «Пока ваш отъезд нецелесообразен». Я хотела ещё что-то пробормотать, насчёт слова «пока», но не успела, — помощник Бокова резким жестом пригласил закончить аудиенцию и открыл мне дверь.

В один из дней поздней осенью 70 года в нашем геологическом подвале на улице Савушкина в Ленинграде, где Казахстанская экспедиция, в которой мы вместе с Яковом работали, арендовала помещение для камеральной обработки летних данных, появились два сотрудника КГБ. Им не нужно было представляться, по ореолу, светящемуся вокруг них, и по чёрной «Волге», из которой они вышли, всем сразу было понятно, что это за птицы. Нашему начальнику прибывшие товарищи довольно вежливо пояснили, что им нужно «поговорить» с геологом Виньковецким, моим мужем Яковом. Якова пригласили в чёрную «Волгу» и увезли для «разговора». Естественно, что появление таких загадочных людей, чёрной «Волги», таинственности, не могло не взбудоражить всю нашу Агадырскую группу, и остаток дня никто и не думал работать — и начальство, и геологи, и студенты — практиканты обсуждали случившееся. Все знали, что Яков, помимо геологической работы, рисует абстрактные картины, дружит с разными сомнительными личностями, всяческой богемой, «навозными мухами» (фельетон о приятеле Якова Романе Каплане), «окололитературными трутнями» (о Иосифе Бродском), и никто не сомневался, что где-то что-то с кем-то произошло, что визит блюстителей верности советской власти в наш научный подвал связан с этой художественной шпаной.

Каково же было удивление, когда вернувшись вечером с «беседы», Яков мне рассказал, что «беседа» касалась Арона Яковлевича. «Ваш отец устроил на дому ульпан.» Из уст КГБ Яков впервые услышал слово «ульпан». Как оказалось, Арон Яковлевич обучал «самолётчиков» (так называли проходивших по делу угона самолёта Кузнецова и др.) ивриту. О самолётных планах своих учеников, конечно, учитель ничего не знал. «Самолётчики» боролись за выезд в Израиль, планировали захватить самолёт, их арестовали, судили, дальнейшее широко всем известно, но тогда всё было окутано тайной, и кроме КГБ никто об этом ничего не

знал. Позже мы узнали, что на одном из своих заседаний «самолётчики» обсуждали кандидатуру Якова для привлечения его к их деятельности, или как теперь выражаются, акции, но из-за русской жены и Яшиных христианских симпатий его кандидатура была снята с самолёта.

На другой день, после «беседы с товарищами», чтобы не возбуждать лишних эмоций и чтобы все продолжали работать, Яков придумал объяснение своему вызову в Большой дом, (так в Ленинграде народ называл дом комитета государственной безопасности, мол такой большой, что из него Сибирь видна) — «сотрудники КГБ консультировались с ним насчёт золотого месторождения, открытого им на секретной территории Сары Шагана.» Золотой запас иврита остался в тайне.

Арон и Рая, родители моего мужа Якова, приняли меня как жену своего сына вполне достойно, как данность, даже не присматривались, хотя наверняка, я не соответствовала их желанию видеть сына женатым на приличной еврейской девушке. А тут оказалась русская насмешница — хохотушка. Моя рязанская бабушка считала всех неправославных — басурманами, и мой муж Яков тоже не совпадал с её желаниями. Басурманин и гойка.

Но Яшины родители любили своего сына больше всего на свете, сильнее всех идеологий, и на меня упали лучи их любви, а моя православная бабка обожала Якова, и говорить с ним о религии было одним из её любимых занятий. Яков, как и его отец, был знатоком Библии и истории религий.

Часто Арон Яковлевич мне казался романтиком, простаком. В памяти сохранилась сценка, как Арон Яковлевич отзывает меня в сторонку и шепчет, чтобы я не носила на кафедру подозрительных книг, думаю — «всего боится», конечно, я и не подозревала, что в это же самое время сам он делает совсем «подозрительное», и ведёт себя мужественно. Арон Яковлевич выбирает риск только для себя, а своих детей пытается оградить, защитить. Долго я не знала, что два его старших брата давно живут в Америке, что он с ними переписывался по каким-то каналам, что он посещает синагогу, что собирает еврейский фольклор.

Заявление на выезд в Израиль он не подавал, боясь повредить карьере Якова, хотя годы думал об отъезде, и был так рад, узнав, что мы решили покинуть наше Социалистическое Государство. «Я этого давно жду», — сказал Арон Яковлевич и обнял Якова. Нередко казалось, что своего сына Якова он любит больше, чем себя.

Недовольство родительской властью, отчуждение от родителей часто закрывают от нас их сущность, и, оглядываясь

назад, вдруг видишь, как ты многое не понимал, не замечал.

Увлечение Арона Яковлевича еврейской народной песней было не случайным, оно шло от деда–кантора, от традиций дома, в котором любили петь, и народные еврейские песни постоянно звучали в его семье. Арон Яковлевич хорошо знал и любил и русские народные песни, которые вдохновенно пел вместе с моими тётками–певуньями на наших семейных встречах — праздниках.

В двадцатые годы в юности Арон Яковлевич работал в еврейской Одесской школе для детей сирот, где не только обучал их грамоте, но и разучивал с ними народные песни. Там он и встретился со своей будущей женой Раей, работавшей в соседнем детском доме, и она стала его другом и помощником на всю жизнь, они прожили вместе более шестидесяти лет. Вот такие бывают соединения!

С молодости Арон Яковлевич собирал пластинки с записью почти всех известных певцов и канторов. В тридцатых годах Арон и Рая были знакомы с Зиновием Ароновичем Кисельгофом, знатоком еврейского национального фольклора, директором еврейского детского дома на Васильевском острове в Ленинграде. Когда в Ленинград приезжал Госет во главе с Михоэлсом и Зускином, то они заезжали за Зиновием, который для них всегда играл и записывал песни Арона Яковлевича. Когда ликвидировали Госет, то Зиновия арестовали и он погиб в лагере.

В начале 20 века в Петербурге существовало общество еврейской народной музыки, которое занималось собиранием, изучением и популяризацией еврейской песни с использованием синагогальной и бытовой еврейской мелодии в практике профессионального композиторского творчества. Активную роль в его создании сыграл Н. А. Римский–Корсаков, который считал, что еврейская музыка замечательная, и ею нужно заниматься. Немаловажное значение имел и тот большой интерес, который проявляли к еврейскому мелосу русские композиторы: «Еврейская песня» Глинки из его музыки к трагедии «Князь Холмский», «Еврейская мелодия» Балакирева, а Мусоргский ввёл подлинную еврейскую мелодию в кантату «Иисус Навин», и эта мелодия в числе других выгравирована на его надгробном памятнике в Александро–Невской лавре. Общество еврейской народной музыки просуществовало до 1919 года, как и многие другие общества, после революции оно было ликвидировано.

Арон Яковлевич встречался, дружил со многими людьми, связанными с еврейской культурой. Нехаме Лифшиц дружила с Ароном Яковлевичем с того дня как впервые напугала Ленинград своей фамилией «Лифшицайте», — так говорила сама певица. В

её первый ленинградский вечер Арон пришёл к ней за кулисы знакомиться. И уже тогда он был занят собиранием еврейского фольклора. Немногие тогда осмеливались открыто собирать еврейские песни, а Арон Яковлевич собирал, сравнивал различные варианты одной песни, изучал их историю, искал авторов. После выхода на пенсию Арон Яковлевич стал это делать серьёзно и систематически. Он начал записывать еврейские песни, чтобы сохранить от забвения лучшие образцы еврейского песенного фольклора, изучал нотную грамоту, теорию музыки, гармонии, сольфеджио. Изучать сольфеджио Арону помогала дочь Таня, младшая сестра Якова, закончившая консерваторию. Арон начал посещать семинар при Ленинградском институте театра, музыки, знакомиться с музыковедами, композиторами, канторами, певцами, дипломантами Ленинградской консерватории.

Арон жил в Союзе в общей беспредельной стихии, где всё было то, да не то, действительность принималась, как данная, явная, но где-то в иной плоскости была неосязаемая, вторая мечтательная жизнь, которую он видел на своём внутреннем экране, прокручивая и проецируя её в будущую реальность. Однако законы, по которым совершаются события, наперёд вразумительно раскрыть и представить трудно, иллюзии часто распыляются, и несоответствия между мечтой и действительностью часто приводят мечтателей к глубокому трагизму.

Он был человек мягкий и благожелательный. В нём было что-то такое привлекательное, какая-то внутренняя правда, как в и моей матери, — доверчивость и инфантильность. Арон всегда казался мне Яшиным ребёнком, он относился к Якову с таким пиететом, даже с каким-то преклонением, что приводило в изумление всех, видевших их вместе. Такой степени уважения отцом сына я больше ни у кого из моих современников не встречала. В отношении Арона к сыну была не только отцовская любовь, как может создаться впечатление, — мол, все любят своих детей, — это было больше — признание за сыном интеллектуального превосходства. И сейчас, читая их обширную переписку, из всех строк Арона светится нежное и трогательное, невероятно–почтительное отношение отца к сыну. И наоборот.

Выйдя на пенсию, Арон Яковлевич помимо собирания песен, стал автором еврейского журнала «Советская родина», основателем и главным редактором которого был Арон Виргилис. Было известно, что Виргилису КГБ полностью доверяло, он был человеком благонадёжным, и этот журнал кроме самого Виргилиса не проходил никакой цензуры. И хотя журнал шёл в

ногу с советской властью, и полностью ей служил, тем не менее, он способствовал сохранению некоторых уникальных материалов еврейской культуры. К примеру, Арон Яковлевич публиковал там разысканные им материалы о еврейском скульпторе Иткинде, сосланном в Алма–Ату, заочно подружился с ним, написал большую статью о его скульптурах и заново открыл для публики его оригинальные скульптуры. Иткинд подарил Арону Яковлевичу две свои скульптуры, которые сейчас находятся в Израиле у моей золовки Тани. О судьбе других произведений Иткинда мне ничего неизвестно, хотя ходит странный слух, что они где-то зарыты. Это жаль, потому что скульптуры Иткинда совершенно необычные, можно сказать, неповторимые — летящие в воздухе, будто подвешенные фигуры с удивительным использованием пространства, когда с любого ракурса линии фигур, жестов, очертаний не искажаются, а смотрятся как их продолжение, одновременно создавая независимые фигуры. Что-то похожее можно увидеть в самых древних китайских скульптурах, сотворённых ещё до Конфуция.

Библейский красивый язык Арона вызывал восхищение образованных евреев из других стран, с которыми Арон Яковлевич стал переписываться, сотрудничая в журнале «Советская родина». Одним из его американских корреспондентов был Лион Гильдесгейм из Нью–Йорка, знающий и иврит и идиш, такой же ветхозаветный динозавр в Америке, как Арон в России. Лион гордился тем, что первый в США настоял на том, что негр Поль Робсон вошёл с главного входа в ресторан отеля «Астория — Плаза», в котором Лион справлял какой-то юбилей. Дирекция ресторана попросила у Гильдесгейма список гостей, и увидев среди приглашённых негритянского певца, они вычеркнули его из списка. Гильдесгейм твёрдо настаивал на приглашении певца, тогда администрация заявила, что в таком случае тот должен войти с чёрного входа, для прислуги. Лион снова возразил, что все его гости будут входить с главного входа, а если нет, то он снимет весь заказ. Дирекция отеля через два дня, не желая терять выгодного клиента, вынуждена была разрешить Поль Робсону войти с парадного входа, как и всем приглашённым.

Лион Гильдесгейм стал заочным поклонником Арона Яковлевича. Они вели интенсивную переписку на иврите (!), заставляя кого-то из соответствующих органов попотеть над переводами их писем. В отличие от бедного инженера конструктора Арона, выросшего в трудном и сложном мире, в советском обывательском страхе, живущего хоть и чуть выше среднего советского служащего, но всё равно на скромную инженерную зарплату, Лион Гильдесгейм был богат, владел

громадными мануфактурными фабриками по всему миру, жил в большом поместье респектабельного пригорода Нью–Йорка — Маунт Киско. Он собирал произведения искусства, занимался благотворительностью, был директором фонда Американских друзей Хибру унивёрсити.

В дни, когда Яков и племянник Арона, Гершон Винькау (между прочим, профессор химии, вайс–президент Сиракьюзского Университета, после приезда в Америку мы познакомились с семьями уехавших братьев) «боролись» за выезд из Союза Арона Яковлевича, мы встречались с разными людьми в Америке, и конечно, с Леоном Гильдесгеймом. Господин Гильдесгейм даже внешне напоминал Арона, — невысокого роста, с глазами слегка навыкате, с чуть горбоватым носом, светлый и подвижный, с мягкой улыбкой на лице. В день, когда Яков договорился о встрече, Гильдесгейм прислал за нами машину, и мы приехали в его поместье. (Поместье — по ту сторону, я уже не раз описывала и в письмах и в книге «Америка»). Гильдесгейм с женой пригласили нас в ресторан. И в этой Киске, в китайском ресторане, я первый раз наблюдала «мистику» денег — когда соприкосновение с денежным человеком отражается на твоём поведении, даже если тебе ничего из его мешка не перепадает. Была такая сценка: когда мы на машине Гильдесгейма подъезжали к китайскому ресторану, начал моросить небольшой дождь. Как только мы въехали на территорию ресторанного паркинга, неизвестно откуда возникли китайцы. Проворство, с каким они оказались возле машины и окружили её кольцом, было удивительным. Один из них подбежал со стороны Гильдесгейма, помог открыть ему дверцу и предоставил большой зонт, второй подскочил с другой стороны к жене Гильдесгейма, тоже с зонтом, два других подтащили какую-то полиэтиленовую дорожку–ковёр прямо всем под ноги, и даже мне удалось пройти по этой подстилке, не запачкав туфельки. Как они суетились, кланялись, улыбались, не знали как и угодить, меняли салфетки, стаканы, прислуживали с таким подобострастием, что вызывали какое-то гадкое жалкое чувство. Это наблюдение отражало моё психологическое состояние, у меня ведь тоже мелькали подобострастные чувства, и я тоже чувствовала какой-то трепет, первый раз «общаясь», точнее — слушая и наблюдая, с американским миллионером.

Думаете Гильдесгейм давал китайцам какие-то сверх–чаевые? Нет, он тогда объяснил Якову, что «на чай» в ресторане нужно прибавлять порядка 10% от потраченной суммы, что он и делал. В поклонении и прислужничестве не всё остаётся ясным, в этих поклонах и ощущениях есть какая-то первобытная, пещерная,

иерархия — жажда вождя? культа поклонения? хотя безусловно, их порождают власть и деньги. Во всяком случае, Лион Гильдесгейм потом финансировал издание «Антологии» Арона, и за это можно было ему и поклониться, поэтому я так надолго отвлеклась.

Как я уже говорила, после выхода на пенсию, Арон Яковлевич, чтобы сохранить от забвения лучшие образцы еврейского песенного фольклора, подготовил нотные записи всех собранных песен с помощью друзей — музыкантов и дочери Тани. В процессе работы обнаружилось, что многие песни, считавшиеся анонимными, имеют авторов, и Арон Яковлевич разыскивал авторов. К концу 69 года получилось обширное собрание — 245 песен, которые Арон Яковлевич оформил в отдельную большую книгу — рукописный «самиздат» и изготовил вручную два экземпляра «Антологии». Один манускрипт он подарил Дмитрию Шостаковичу, ценителю еврейского мелоса. Шостакович написал Арону Яковлевичу замечательный отзыв: «Ознакомившись с Вашей «Антологией еврейской песни», продолжаю знакомиться с этой очень интересной работой каждый день. И за эту работу приношу Вам сердечную благодарность.»

Иллюстрации к «Антологии» Арон подобрал вместе со знаменитым художником Анатолием Л. Капланом, с которым дружил. Художник Каплан родился в Витебске, как и Шагал, но оставаясь в Союзе, он не получил той всемирной шагаловской славы, хотя его работы не уступают шагаловским. Среди ленинградских художников Каплан слыл чудаком; маленький, близорукий человек в очках, он был похож на свои иллюстрации к Шолом Алейхему. Про него известна трогательная история: когда к 50–летию советской власти всех членов Союза художников попросили нарисовать картину в честь такого значительного юбилея, то Анатолий Львович тоже нарисовал. На картинке он изобразил старого смешного местечкового еврея, в мешковатом длинном сюртуке и чёрной фетровой шляпе, державшего на веревочке беленькую козочку, остановившегося возле решётки Летнего сада и удивлённо разглядывающего висящую на ней мемориальную доску, на которой написано, что на этом месте народоволец Колотозов стрелял в царя. «Анатолий Львович! Что вы такое изобразили?!» — спросили его в Союзе Художников, когда он принёс картину на комиссию. «Я так видю.» — ответил умный и хитрый художник. Интересно, где теперь эта картинка? И где советская власть? (Где-то существовала легенда, что наш Владимир Ильич сын Колотозова, потому что Колотозовы жили рядом с Ульяновыми. и у матери вождя был с Колотозовым роман. Но эти выдумки вряд ли знал Каплан.)

Несмотря на отзыв Шостаковича, иллюстрации Каплана, печатать «Антологию» в Союзе в то время не собирались, и возможность осуществления замысла Арона была ничтожной, но он всё-таки обратился в музыкальные издательства, которые придумывали разные глупые причины, к примеру, «нет бумаги». Скорей всего, не было просто здравого смысла. Бумага шла на издание макулатурных произведений, на тонны политической пропаганды. И Арон Яковлевич решил, что он издаст «Антологию» в Израиле, куда собирался уехать.

Нужно было переправить рукопись в Израиль. Кто мог перевёзти её? Арон Яковлевич был хорошо знаком с балетмейстером, звездой Мариинского Ленинградского театра, Валерием Пановым. Учёный–историк Леонид Тарасюк, сотрудник Эрмитажа, специалист по старинному оружию, представил Арона, как знатока еврейской истории, Валерию Панову, задумавшему поставить балет о Маккавеях. Арон Яковлевич взялся писать либретто на эту героическую еврейскую тему. Балет поставить не удалось, не хотели прославлять геройство евреев, но знакомство балетного актёра с конструктором кораблей переросло в доверительно–хорошие отношения. Валерий вместе со своей женой прима–балериной Галиной Рогозиной подали заявление на выезд из Союза, и когда они получили разрешение, после упорных боёв, то Валерий намеревался вывести в Израиль свои записи и кое–какие материалы других людей через знакомых иностранных корреспондентов. Тогда Арон Яковлевич попросил Валерия присоединить к переброске и рукопись его «Антологии». Арон Яковлевич дорожил этой рукописью, боялся, чтобы она не пропала, и был бесконечно благодарен Валерию, что удалось вывести этот «самиздат».

Уже после нашего отъезда из Союза (1975) Арона Яковлевича тоже приглашали «на беседу» в Большой дом, проверяли — нет ли сионисткой пропаганды в тексте введения в «Антологию»? Пропаганды в рукописи не обнаружили и, разочаровавшись, больше Арона Яковлевича на беседы не приглашали, но рукопись не вернули.

Пять лет Арону Яковлевичу не давали разрешения на выезд, и в это время он в своей квартире на Московском проспекте открыл уже самый настоящий ульпан: кто-то приходил изучать иврит, кто-то просить вызов, кто-то почитать письма из Израиля и Америки, спросить советов, поговорить о еврейской истории и просто о разном. Вокруг Арона Яковлевича образовался своеобразный центр интересующихся выездом. Многие из наших друзей после нашего отъезда находились в этом отъездном круговороте. Арон Яковлевич называл всех «племянниками», и

многие из «племянников» долго помнили помощь и советы своего «дяди». Наш приятель Михаил Орлов после приезда в Америку каждую неделю из Бостона посылал Арону Яковлевичу в Израиль русские американские журналы, газету «Новый Американец» и всё, что просил дядя Арон. Я ни разу не встречала, чтобы кто-нибудь был в обиде на Арона Яковлевича.

В декабре 1977 Арон Яковлевич и Рая прилетели в Израиль. В аэропорту их встречали друзья, многочисленные фиктивные и нефиктивные племянники и дочь Таня. Арон Яковлевич всех обнимал, вдыхал святой воздух, целовал землю, как физическую реальность своей мечты.

«Алим ходашим, (вновь прибывший) Аарон за обучение и пропаганду иврита в трудных условиях награждается...» — так написано в грамоте, которую Арон Яковлевич получил по приезде в Израиль. Своим возвышенным библейским ивритом, как рассказывала Таня, Арон Яковлевич так удивлял израильских людей, говорящих на современном, разговорном языке, родившимся в начале двадцатого века, что часто продавцы, таксёры, прохожие совсем не понимали: о чём спрашивает этот «библейский» человек. Может будет такой же эффект, если спрашивать русских на древнеславянском?

Арон Яковлевич с Раей поселились в Холоне, пригороде Тель–Авива в двухкомнатной квартире, украсив её простенькими Раиными вышивками, ценными только тем, что Арону Яковлевичу они нравились, как нравилось всё то, что делала его жена. «Рая лучше всех умеет фаршировать рыбу, куриную шейку. Её котлеты поют. Она и тебя научит», — говорил он мне и ласково смотрел на мою насмешливо— умилительную реакцию.

Рукопись «Антологии» к приезду Арона Яковлевича уже была в Израиле, и он сразу стал деятельно организовывать издание, как всегда отдавая своему любимому делу огромное количество времени, труда, нервов. Он хотел увидеть напечатанным, изданным свой долгий жизненный труд. И это было совсем непросто — там не было бумаги, а здесь не было денег.

Издание уникального проекта требовало больших средств, большую половину из которых внёс поклонник Арона — Лион Гильдесгейм, который был попечителем Хибру Университи, постепенно к его дару присоединились пожертвования и от других людей из США, Канады, Англии, Мексики. Началась длительная подготовка.

При Хибру Университи в Иерусалиме был организован специальный комитет, из тридцати авторитетных специалистов по еврейскому фольклору, музыке, истории, этнографии, во главе с известной израильской певицей Эммой Шейвер.

Первоначальный замысел расширялся, изменялся, дополнялся. Помимо 245 отобранных песен, собранных Ароном Яковлевичем со всех уголков Союза, многие из которых не были нигде опубликованы, «Антологию» дополнили фольклорными песнями некоторых других изданий и рукописных собраний. В «Антологию» включили и историю возникновения народных еврейских песен, и историю их сохранения, изучения и публикации. Песни распределили на 12 разделов: песни о любви, колыбельные, детские, семейные, свадебные, юмористические, солдатские, застольные, хасидские, украинские еврейские песни, советские, и даже песни гетто. Тексты, помимо идиша и иврита, перевели на английский и дали их в латинской транскрипции. Вступительный очерк написал легендарный поэт–партизан Аба Ковнер. «Народная песня без народа».

Вместо иллюстраций А. Л. Каплана, производивших исключительное впечатление, Фонд поручил оформление «Антологии» художнице Даниэле Пасаль, и конечно, её картинки не идут ни в какое сравнение с рисунками Каплана. У Арона Яковлевич никогда не было «материальных стимулов», в личных надобностях, в пище, одежде он был на редкость неприхотлив, позволял себе только самые необходимые расходы. «Делай добро и не жди за это вознаграждения», — такой был его жизненный принцип. Он не предполагал, что Фонд «Антологии», не сообразуясь с действительной нуждой, обрастет желающими получать за счёт собранных денег личные вознаграждения, что заведётся бесконечная бюрократия, в которой «забудут» заплатить Арону Яковлевичу за поездки из Холона в Иерусалим на трёх автобусах. Конечно, были и энтузиасты, работающие без гонораров, бескорыстные помощники. Старинный друг Арона Яковлевича певица Нехаме Лифшиц была ему в это время неизменной подмогой и поддержкой и в общих делах и в частных. «Как путеводная звезда была она для папы», — так скажет Таня на презентации «Антологии».

Арон Яковлевич принадлежал к поколению людей, моральные критерии которых черпались из вездесущей пропаганды, а те, кто неуютно чувствовал себя в этом политическом кошмаре, как Арон Яковлевич, надеялись на реализацию своих этических норм где-то в Библейской пустыне, — там казалось, есть нравственно–социальная правда, которая должна над всем воссиять. Арон Яковлевич в Союзе жил верой в идеального восторженного еврея, строителя идеального общества. Арон Яковлевич слишком далеко позволил зайти своим надеждам. И где идеальный человек? И где есть идеальная государственная структура, способная удовлетворить духовное

беспокойство человека?

Первый том «Антологии» вышел в 1983–м и получил приз Шолом–Алейхема. Три тома «Антологии» увидели свет при жизни Арона Яковлевича, до выхода четвёртого тома в 89–м он не дожил, и на презентации «Антологии» его представляла дочь Таня. Презентация «Антологии» происходила в резиденции Президента, присутствовал и сам Президент страны Хаим Герцег, высоко оценивший труд Арона Яковлевича.

После смерти Арона Яковлевича «Антологию» продолжил Синай Лайхтер, и в 2001 году вышел пятый том того же формата, в такой же коричневой толстой обложке. Он включил в «Антологию» песни бардов еврейского подполья в Польше.

Ленинградский скульптор Пётр Криворуцкий, восхищённый деятельностью Арона Яковлевича, посещавший его ульпан, вылепил громадный скульптурный портрет Арона Яковлевича «до пояса» в обычной манере реализма. Слегка склонив голову набок и подперев её рукой, устремив взгляд куда-то внутрь, Арон Яковлевич на портрете выглядит умным, приукрашенным учёным, в пиджаке, галстуке и в очках. Такой учёный Владимир Ильич, на образе которого скульпторы набили руку, и всё так и лепилось, как по трафарету. Наверно, Арону Яковлевичу не понравилось бы моё сравнение, но что делать, если соц. реализм такое навеивает, и трудно удержаться от такого сравнения.

Мы привезли эту скульптуру в Нью–Йорк и отдали Гильдесгейму, а он подарил этот портрет музею еврейской истории, как я шутила: «для показа приличных советских евреев». Одной своей приятельнице, я сказала, что мы несколько натерпелись, вывозя из Союза такой огромный ящик со скульптурой Арона, на что она иронично заметила: «Вы вывозили немую скульптуру, а мы — живого свёкра». Вот так.

Дело прошлое: в семидесятые годы остро стоял вопрос: куда вы собираетесь ехать? (после получения разрешения на выезд из Союза) Едущие в Израиль негодовали и осуждали тех, кто проехал «мимо»; выросшие в рабстве, отрезанные от свободного мира, многие из нас полагали, что все обязаны ехать туда, откуда пришёл вызов. «Думали, что один помещик откупил крепостных у другого помещика», — так иронизировал по этому поводу наш израильский друг физик Виктор Кусельевич Коган, сам живущий в Иерусалиме на оккупированной территории. «А из нашего окна Иордания видна, а из вашего окошка только Сирия немножко» — из стишков его зятя.

Арон Яковлевич считал, что все евреи должны жить в Израиле, но это была его только идеалистическая сионистская мечта, потому как он рассматривал этот выбор только как

«хорошо бы», оставляя другим их собственный. Выбор есть законная потребность нашего вида, как говорил Яков, и без этой потребности человек, втиснутый в рамки необходимости, теряет способность сам думать и размышлять.

И хотя Арон Яковлевич огорчился, что мы проехали в Штаты, но всегда оставался верным своей любви и доброте, и никакие идеологические тревоги не ожесточали и не омрачали его внутренней чистоты. Некоторые из его единомышленников, недовольные нашим переездом, переносили на Арона Яковлевича своё негодование, (мол, плохо воспитал сына) и даже исключили его из какого-то сионистского комитета, но он на обиды был незлобив.

Время меняет столь многое, ценности, взгляды, что рано или поздно кто-то из израильско–русских патриотов сам отказывался от своих экстремальных взглядов и оказывался далеко за пределами Израиля, хотя кто-то остается верным своим мечтам. Сейчас «неприезды» алии уже так остро не обсуждаются и не осуждаются, многое забывается, стирается, уходит. и остаётся только то, что является более или менее общими человеческими достижениями. Думается, что одним из таких благородных вкладов в культуру являются собранные Ароном Яковлевичем народные еврейские песни, — петь которые занятие более благородное, чем сотрясать эфир разными политическими лозунгами.

Что чувствовал Арон Яковлевич на протяжении последних лет своей жизни? Как он принял трагическую смерть своего сына? (84 год) И можно ли было его утешить? Я уже никогда не узнаю.

Под конец дней Арона Яковлевича в 87 году навестил в Израиле наш сын Илья, и для своего русского внука у дедушки Арона тоже хватило любви: «Илюша, независимо от того, где ты живёшь, главное — быть честным и добрым человеком». Сам Арон Яковлевич таким и был.